

Глава первая. ИЗБУШКА

Павлыш проверил анабиозный отсек, там все было в порядке. Странно, еще недавно он спорил с Бауэром, доказывал ему, что этот отсек — анахронизм и, если уж переоборудовать корабль на гравитационный двигатель, то можно заодно и ликвидировать отсек — лишнее место, лишний вес... И Бауэр сказал тогда: «Но может же так случиться...». Хотя оба понимали, что случиться так не может. И случилось.

Уже месяц, как «Компас» падал. Он падал, и неизвестно было, чем кончится это падение. «Компас» проваливался в пространство, в бесконечность. Уже месяц, как он был объявлен пропавшим без вести, его разыскивали все станции и корабли сектора и не могли найти.

Находят в конце концов путешественников, пропавших без вести в пустыне, находят самолеты, разбившиеся в горах, находят флаер, унесенный ураганом, находят затонувшую субмарину. Потому что место, область их исчезновения конечны, ограничены дном моря, горной долиной, пределами пустыни. Космический корабль, пропавший без вести, найти нельзя. Тем более, если он не выходит на

связь.

Надежность корабля, доведенная до совершенства, таит в себе риск. Гравитационный отражатель надежен, связь, которую поддерживает корабль на гравитационных волнах, также надежна, но если система отказывает в одной точке, возникает опасность цепной реакции. И если не уловленный приборами во время прыжка метеорит из антивещества коснулся гравитационного отражателя и, исчезнув сам, уничтожил отражатель «Компаса», то он уничтожил и космосвязь, потому что отражатель — одновременно антенна для гравитационных волн. И корабль, прервавший прыжок в точке, установить которую удалось не сразу и с недостаточной степенью точности, оказывается неуправляем, безгласен и слеп.

«Компас» был жив, но не подавал признаков жизни. Он будет жить еще несколько дней или несколько лет, потому что он — высокоорганизованный кусок металла, напичканный изысканной, но ненужной теперь техникой. Ибо он — корабль, и цель его — перевозить людей и грузы между портами Галактики. Как только он лишается возможности делать это — он становится лишь железной банкой с муравьишками внутри. И железная банка падает в бездонное пространство...

Павлыш остановился перед дверью на мостик. Капитан просил его проверить, как дела в анабиозном отсеке. В анабиозном отсеке все было отлично. Павлыш увидел свою руку, лежащую на ручке двери, и подумал о том, что он сам, доктор Павлыш, молодой, красивый, умный, не может умереть. Собственная смерть — беда, которая не может с тобой приключиться. А так как это теоретическое размышление не могло изменить действительной сути явлений, то Павлыш оторвал взгляд от своей руки и вошел на мостик.

Капитан был один. Капитан постарел за месяц, прошедший со дня катастрофы. Капитан был более одинок, чем Павлыш, потому что он разделял одиночество и беспомощность своего корабля.

— Все в порядке? — спросил он.

— Да.

Павлыш подошел к штурманскому столу с расстеленной на нем картой сектора. На ней были проложены пути «Компаса». Путь, по которому ему следовало идти; вычисленный путь, который «Компас» должен был пролететь во время прыжка; приблизительная точка, в которой корабль прекратил прыжок и еще более приблизительный путь с того момента и до

сегодняшнего дня. Прыжок должен был перенести его через весь сектор. Авария же бросила его в центре сектора, на периферии пылевого мешка, не позволившего ориентироваться визуальными методами. И путь отсюда был проложен условно, пунктиром...

— Слушайте, доктор, — сказал капитан. — Есть шанс, правда, небольшой...

Несчастье случилось с «Компасом» в районе малоизученном, но не пустынном. Это давало шансы на спасение и уменьшало их. Можно было надеяться сесть на планету — тормозные двигатели остались целы. Но, с другой стороны, «Компас» мог стать пленником звезды, притяжения которой был бы не в силах преодолеть. Есть надежда, что «Компас» пронзит сектор и окажется в районе обжитых путей системы Второго Союза. Надежда была реальна. Но с одним условием: достижение Второго Союза при постоянной скорости займет восемь с половиной лет... И когда осознание этого пришло к космонавтам после недели расчетов, споров, сомнений и ложных прозрений, решено было использовать анабиозные ванны, те самые, само существование которых казалось Павлышу анахронизмом.

Почти весь экипаж «Компаса» должен был уйти в сон. Почти весь — кроме капитана,

дежурного механика и врача. И было уговорено, что через год, если все пойдет благополучно, механика и Павлыша сменят. Капитана менять никто не будет. Это приказ и воля капитана.

За месяц, прошедший с того дня, Павлыш восстановил забытый испанский язык, выиграл у механика сто сорок партий в шахматы и несколько меньше проиграл капитану. Он прибавил полтора килограмма в весе и порой подумывал о том, что лучше аннигилировал бы весь корабль, чем ждать неизвестно чего восемь, десять... сколько лет?

Шесть дней назад внезапно появилась возможность, что путешествие скоро закончится. Впереди возникла небольшая желтая звезда с одинокой планетой. Звезда была почти на пути «Компаса», и корабль несся к ней со скоростью чуть более ста тысяч километров в секунду. Шесть дней назад капитан сказал своему экипажу — Павлышу и механику, — что есть один шанс из десяти опуститься на планету. Даже если она необитаема и непригодна для жизни, на ней, вернее всего, действует автоматический маяк, и можно будет дать о себе знать. Все зависело от того, как близко пройдет «Компас» от планеты. Если достаточно близко, то мощности тормозных двигателей хватит на посадку, если далеко, то топливо будет истрачено на коррекцию и садиться будет не на чем.

— Так что же, капитан? Мы попытаемся сесть или летим дальше?

— А вы бы что сделали, Павлыш?

— Даже если у нас мало...

— Ты молод, Павлыш, и потому годы кажутся тебе длинными и невосполнимыми.

— Я не так молод, но где гарантия, что после всех этих лет в нашей жестянке мы не погибнем от голода или аварии, которую не сможем ликвидировать, не провалимся в какую-нибудь дыру и не пролетим мимо торгового пути, чтобы снова углубиться в пустоту?

— Гарантии нет. Но дело вот в чем: для того, чтобы выйти к планете, мы должны истратить почти половину мощности тормозных двигателей. Из-за гибели отражателя изменена конфигурация корабля, и по расчетам получается, что остальное пойдет на компенсацию эксцентрического вращения. На чем будем садиться, не представляю...

— А что за планета?

— Если я не ошибаюсь, планета хорошая, нормальная, земного типа. Наша беда, что ее открыли недавно, и на ней нет ни станции, ни

базы. Хотя должен быть маяк.

— Вы уверены?

— Я могу предполагать, что это система 16-АПР8. Погляди по справочнику.

Под этим индексом значилась система желтой звезды с одной планетой и двумя астероидными поясами. Планета была земного типа. Ей присвоили название Форпост. После ее краткого описания шло примечание: «Закрыта для исследований».

И все. Это могло значить что угодно — от наличия там разумной жизни до болезнетворных бактерий, опасных для человека. За справкой шла сноска на последний том общего атласа, который на «Компасе» не успели получить.

— Через три часа начинаю эволюцию, — сказал капитан. — Механик мне нужен. Ты — нет.

— Но мы не успеем разбудить штурмана и второго механика. На это потребуется часов восемь. Почему вы не сказали раньше?

— Мы обойдемся вдвоем.

Капитан уже четверо суток не спал, и инъекции переставали оказывать действие. Он

устал.

— Дай мне еще шарик.

— Опасно.

— Потом вылечишь, если что. Сейчас мне нужна ясная голова.

Павлыш был готов к этой просьбе. Шарик находился в кармане. Он прижал один из них к кисти капитана, лежавшей на пульте. Содержимое всосалось под кожу.

— Я принял решение раньше, но не стал тебя ставить в известность, потому что возражения лишь отняли бы время на дискуссии. А сейчас нам некогда дискутировать.

— Но все-таки?

— Все-таки заключается в том, что посадка будет трудной. Не знаю, останется ли что-нибудь от «Компаса».

Голос капитана звучал равнодушно и холодно. Уже много дней капитан говорил так: он не мог побороть в себе глубокого и безнадежного отчаяния. Он не был виноват, но его корабль разбит. Право судить себя капитан оставил за собой.

— Чем больше людей мы сейчас поднимем, тем больше людей мы подвергнем опасности. Анабиозные камеры — самое защищенное место корабля. Анабиозные ванны — самое защищенное место в камере. Больше всего шансов выжить у тех, кто находится в ваннах.

— Я могу быть штурманом. Вы знаете, что я подготовлен к этому.

— Не нужен мне сейчас штурман! Зачем мне штурман? Чтобы бросить, как ты выразился, жестяную банку на пустую планету?

— Да.

— Слушай меня, Павлыш. Ты судовой врач. Ты отвечаешь, в пределах своих возможностей, за здоровье и жизнь команды. Поэтому при посадке твое место будет вместе с экипажем. В анабиозном отсеке.

— Вы тоже относитесь к команде. И механик. Моя помощь может понадобиться и вам.

— Правильно. Но в таком случае мне нужен живой врач. Если надо будет собирать нас по частям, для этого ты должен уцелеть. Приказываю тебе отправиться в анабиозный отсек. Я, конечно, хотел бы загнать тебя самого в ванну, но боюсь, что это превышает мою власть

над тобой.

— Вы правы. И я, возражая вам, руководствуясь теми же соображениями интересов экипажа. Мои услуги могут понадобиться сразу после посадки. Кроме того, вывод людей из анабиоза также труден без участия врача...

— Ладно, я ведь не спорю. Так что прошу тебя через два часа отправиться в анабиозный отсек, я сам спущусь туда и проверю, надежно ли ты пристегнут. И будь разумен, не пытайся прибежать на мостик и принять участие в наших скучных делах. Ты будешь мне мешать...

— Хорошо, — согласился Павлыш.

— А сейчас займись-ка, пожалуйста, обедом. Накорми нас как следует. Нет никакой гарантии, что мы доживем до следующего обеда.

— Надо будет дожить. Мы отвечаем за тех, кто спит...

— Не надо меня учить, — сказал капитан. Он очень устал. — И не теряй времени даром.

...Тень «Компаса» добралась до Павлыша. Тень была длинной и росла с каждой минутой. Целый день солнце ползло невысоко над горизонтом и вот решилось, наконец, уйти на покой.

Павлыша удручала предопределенность. Правда, она протягивалась всего на несколько дней в будущее, но этого достаточно для возникновения неприязни к серому берегу и махине покореженного металла, именуемого по инерции кораблем «Компас».

Страшная тварь вылетела из колючих зарослей, подступавших к пляжу, и уселась в тени корабля. Тварь была ростом с собаку, но хрупка и члениста. Она пристально смотрела на Павлыша печальными стрекозиными глазами. Мошкара смерчком замельтешила над ней. Тварь, наконец, приняла решение, подпрыгнула и принялась биться об обгоревший бок корабля, словно комар об оконное стекло.

Можно было написать письмо. Вчера Павлыш написал уже одно. Склеил конверт из чистого листа бумаги и даже нарисовал на нем серый берег, зеленое море с полосами барашков, синие колючие кусты. И написал на марке: «Авиапочта. Планета Форпост». Все как в старые добрые времена. А вместо почтового ящика использовал

остатки мусоропровода.

Павлыш поднялся, стряхнул с колен песок и ракушки и побрел к люку. Четыре дня назад он открывал его больше часа, думал, что никогда не сможет этого сделать. Тогда казалось, что открытый люк — спасение. На самом деле это ничего не решало.

Тварь стукнулась о шлем, толчок был вял, и Павлыш, отмахнувшись, сломал ее пополам. Туча мошкары сразу скрыла останки твари. Павлыш закрыл люк, припер его изнутри стальным стержнем. Мошкара боялась тени, внутрь не залетала. Но с наступлением вечера мог появиться какой-нибудь гость покрупнее. Павлыш ощупью разделся, повесил скафандр в нишу.

Аварийное освещение в коридоре работало из рук вон плохо. Свет мерцал, терялся в углах. Его все равно придется отключить. И это прискорбно — будет темно. Павлыш решил изобрести светильник на сливочном масле. Или спиртовку. Представил себя пишущим очередное письмо при свете самодельного светильника и тут же ударился об торчащий из стены обломок трубы.

Корабль был разбит. Это никуда не годилось. Корабль создан для того, чтобы никогда не разбиваться. Если уж случается несчастье — он

взрывается, исчезает бесследно. Но корабль, разбитый, как автомобиль о столб, — это невероятно. Налетевший с моря ветер качал развалину, на пол посыпался сор, и в перекоренных недрах судна что-то закрипело, заныло.

Не было энергии. Не было связи. Если бы капитан остался жив, или кто-нибудь из механиков — может, они что-то и придумали бы. Хотя вряд ли. Корабельный врач Павлыш придумать ничего пока не смог. Чтобы не раскисать, он запускал зонды, методично обыскивал трюмы, привел в относительный порядок мостик и вел корабельный журнал.

Было еще одно дело. Главное и печальное. Анабиозные ванны. У них автономный блок питания. Температура поддерживалась на нормальном уровне. Так будет, подсчитал Павлыш, еще два месяца. На самом экономном режиме. И все. Павлыш останется последним человеком на этой планете. Потом умрет тоже. Может быть, скоро, если не приспособится к местному воздуху. Может быть, проживет до старости.

Павлыш представил себя старичком в рваном измызганном скафандре. Старичок выходит на лесенку перед вросшим в серый песок кораблем и кормит с ладони членистых тварей. Они

толкаются, мешают друг дружке и глядят на него внимательно и строго. Потом старичок возвращается в чистенькую, ветхую кабинку, убранную сухими веточками и, подслеповато щурясь, раскрывает дневник...

Был, правда, еще один вариант. Отключить анабиозные ванны. Ни один из спящих не заметит перехода к смерти. Энергию блока можно переключить тогда на один из отсеков и прожить в безопасности несколько лет. От такой возможности стало еще паскудней. Павлыш заглянул в реанимационную камеру, бывшую реанимационную камеру. Он каждый день заглядывал туда, пытаясь настроиться на возможность чуда. За дверью его встречала та же безнадежная путаница проводов и осколки приборов. И сколько ни приглядывайся, ни один провод не вернется на место. Нет, разбудить экипаж он не сможет.

И все-таки они были еще живы. И он был не один. И пока оставалась забота о живых, оставалась цель.

Павлыш вошел в отсек анабиоза. Отсек был спрятан в центре корабля, охвачен надежными объятиями амортизаторов и почти не пострадал. Здесь было холодней, чем в коридоре. Под матовыми колпаками ванн угадывались человеческие фигуры.

— Бывают же случайности, — сказал Павлыш термометру. — Сегодня мы сюда попали. Завтра еще кто-нибудь. Возьмет и попадет.

Павлыш знал, что никто сюда не попадет. Незачем. Когда-то, несколько лет назад, планету посетила разведгруппа, провела здесь две недели, составила карты, взяла образцы флоры и фауны, выяснила, что день здесь равен четырем земным дням, а ночь четырем земным ночам, установила, что планета пока интереса для людей не представляет. И улетела. А может, даже и группы не было. Пролетел автомат-разведчик, покружил...

Павлыш щелкнул пальцем по матовому куполу ванны, будто хотел разбудить лежавшего там Глеба Бауэра, усмехнулся и вышел.

Солнце, по расчетам, должно опуститься уже к самой воде. Момент этот мог представить интерес для будущих исследователей. Так что перед ужином имело смысл снова выбраться на пляж и заснять смену дня и ночи. Кроме всего, это могло быть красиво...

Это было красиво. Солнце, беспрестанно увеличиваясь и краснея, ползло по касательной к ярко-зеленой линии горизонта. Солнце было полосатым — по лиловым штрихам бежали, вспыхивали белые искры. Небо, ярко-бирюзовое в той стороне, где солнце, становилось над головой изумрудным, глубоким и густым, а за спиной уже стояла черно-зеленая ночь, и серые облака, зарождааясь где-то на суше, ползли к морю, прикрывая в тумане яркие звезды. Кустарник на дюнах превратился в черный частокол, сплошной и монолитный, оттуда шли шипение, треск и бормотание, настолько чужие и угрожающие, что Павлыш предпочел не отходить от корабля. Он снимал закат ручной любительской камерой — единственной сохранившейся на борту — и слушал шорохи за спиной. Ему хотелось, чтобы скорей кончилась пленка, чтобы скорей солнце расплылось в оранжевое пятно, провалилось в зелень воды. Но пленка не кончалась, оставалось ее минут на пять, да и солнце не спешило уйти на покой.

Мошкара пропала, и это было непривычным — Павлыш за четверо суток привык к ее деловитому кружению, к ее явной безобидности. Ночь грозила чем-то новым, незнакомым, злым, ибо планета была еще молода и жизнь на ней погружена в беспощадную борьбу за существование, где побежденного не обращали в

рабство, не перевоспитывали, а пожирали.

Наконец, солнце, до половины погрузившись в воду, распластавшись по ней чечевицей, уползло направо, туда, где вдоль горизонта тянулась черная полоска суши, окружающая залив, на берегу которого упал «Компас».

— Ну что же, — сказал себе Павлыш. — Доснимем и начнем первую полярную зимовку. Четыре дня сплошной ночи.

Собственный голос был приглушен и почти незнаком. Кусты отозвались на него вспышкой шумной активности. Павлыш не смог заставить себя дождаться полного заката. Палец сам нажал на кнопку «стоп». Ноги сами сделали шаг к люку — надежному входу в пещеру, столь нужную любому троглодиту.

И тут Павлыш увидел огонек.

Огонек вспыхнул на самом конце мыса — черной полоски по горизонту, недалеко от которой спускалось в воду солнце. Сначала Павлыш подумал, что солнце отразилось от скалы или волны. Подумал, что обманывают уставшие глаза.

Через двадцать секунд огонек вспыхнул снова, в той же точке. И больше вспышек Павлыш не

увидел — солнце подкатилось к мысу, било в лицо и собственные его вспышки мельтешили и обманывали. Павлыш не мог более ждать. Он вскарабкался в люк; не снимая скафандра и шлема, пробежал, чертыхаясь и спотыкаясь об острые края предметов, на резервный пульт управления. Основной мостик, где при неудачной посадке находились капитан и механик, был размозжен.

Чуть фосфоресцировал в темноте экран телеглаза. На нем Павлыш собирался посмотреть отснятую пленку. Может быть, камера, не отрываясь глядевшая на горизонт, заметила огонек раньше, чем Павлыш.

Был снова закат. Снова солнце по касательной ползло вдоль зеленой гряды, разбрасывая слишком яркие краски, снова по нему бежали лилово-сизые полосы и вспыхивали искры. Глаз камеры последовал за солнцем. У Павлыша устали руки. Они немного дрожали, и оттого волновалась и покачивалась на импровизированном экране изумрудная вода.

— Смотри, — предупредил себя Павлыш: в правой стороне кадра обнаружилась оконечность мыса. И тут же в этом месте, безусловно и объективно увиденный камерой, вспыхнул огонек.

Экран погас. Павлыш оказался в полной темноте. Лишь перед глазами мелькали багровые и зеленые пятна. Он ощупью отмотал пленку обратно и остановил тот кадр, где вспыхнул огонек. На экране застыло, остановилось солнце, застыла и белая точка у правой кромки экрана: огонек.

Огонек должен был оказаться оптическим обманом, галлюцинацией. Видно, Павлыш подсознательно боялся поверить — оттого убеждал себя в нереальности огонька. Если убедить себя, что это мираж... Но огонек не был миражем. Камера тоже увидела его.

— А почему бы и нет? — спросил Павлыш.

Корабль ничего не ответил. Он надеялся на Павлыша.

Чего же я здесь стою? Солнце уже спряталось и не мешает смотреть на мыс. А вдруг огонька уже нет?

Павлыш подумал, что если где-то неподалеку есть разумные существа, по крайней мере разумные настолько, что обладают сильным источником света, то ни к чему беречь аварийные аккумуляторы. Он наощупь отыскал кнопку, врубил на полную мощность освещение, и корабль ожил, в нем стало теплее,

раздвинулись стены, и коварные предметы — обломки труб, петли проводов, заусеницы обшивки — спрятались по углам и не мешали Павлышу пробежать коридором к люку, к вечеру, переставшему быть страшным и враждебным.

Солнце и в самом деле село. Осталось лишь глухое малиновое пятно, и облака, добравшиеся до него, образовали в нем темно-серые провалы. Павлыш оперся руками о края люка, высунулся по пояс наружу и считал: один, два, три, пять... Вспышка!

Огонек продержался секунду, и Павлыш успел усесться поудобнее на край люка, свесить вниз ноги в тяжелых башмаках, прежде чем он вспыхнул снова. У огонька был чрезвычайно приятный цвет. Какой? Чрезвычайно приятный белый цвет. А может быть, желтый?

Когда разгладилось и посинело пятно, остававшееся от солнца, огонек перестал мигать. Он загорелся ровно, будто кто-то, долго шутивший с выключателем, уверился, наконец, в приходе ночи и, включив свет на полную мощность, уселся за стол ужинать. И ждать гостей.

Из темноты к Павлышу бросилось нечто большое. Павлыш не успел подобрать ног и укрыться в корабль. Лишь вытянул вперед руку.

Нечто оказалось уже знакомой тварью. Тварь опутала сухими тонкими ножками руку Павлыша и стрекозиные глаза укоризненно сверкнули, отразив свет, падавший из люка. Павлыш стряхнул тварь, как стряхивают в кошмаре страшного паука, и та шлепнулась о песок.

Закружилась голова. Тут только он понял, что забыл опустить забрало шлема и дышит воздухом планеты. А с осознанием этого пришла дурнота. Павлыш закрыл люк и уселся прямо на пол шлюза. Опустил забрало и увеличил подачу кислорода, чтобы отдышаться.

Теперь надо дать сигнал, думал Павлыш: пустить ракету, зажечь прожектор. Надо позвать на помощь.

Но ракет не было. А если были, поиски их займут еще несколько суток. Прожекторы разбиты. Есть фонарь, даже два фонаря, но оба довольно слабые, шлемовые. Ну что же, начнем со шлемовых фонарей.

Павлыш довольно долго стоял у открытого люка, закрывая и открывая ладонью свет и свободной рукой отмахиваясь от тварей, лезущих на свет, как мотыльки. Огонек не реагировал — светил так же ярко и ровно. Хозяева его явно не догадывались о том, что кто-то неподалеку потерпел бедствие. Потом, хоть это уже вряд ли

бы помогло, Павлыш вытащил из корабля множество предметов, которые могли гореть, и поджег их. Костер был вялым — в воздухе слишком мало кислорода, да и твари, слетевшиеся словно на праздник, бросались в огонь и обугливались, шипели, как мокрые дрова. Павлыш перевел весь свой запас спирта и после десяти минут борьбы с тварями бросил эту затею.

Он отошел к люку и глядел на огонек. Он не мог к нему привыкнуть. Огонек был из сказки: окошком в домике лесника, костром охотников... А может быть, пламенем под котлом людоеда?

— Ладно, — сказал Павлыш тварям, шевелившимся живой кучей над теплыми еще, обуглившимися дверцами шкафчиков, книгами и тряпками. — Я пошел.

Ему бы прислушаться к внутреннему голосу, который по долгу службы должен объяснить, что путешествие разумнее начать через четверо земных суток, когда рассветет и неизвестные ночные твари улягутся спать. Но внутренний голос молчал — видно, и ему казалось невыносимым столь долгое бездействие.

Хорошо, когда есть решение, которое можно принять. Раньше и этого не было. Решение требовало действий, многочисленных, разнообразных и спешных. Чем-то это было похоже на отъезд в отпуск — надо прибраться в квартире, оставить корм рыбкам в аквариуме, договориться с соседкой, чтобы поливала цветы, позвонить друзьям, позаботиться о билете...

Во-первых, Павлыш отправился в анабиозную камеру. Поход к огоньку мог продлиться часа три, и за это время ничто не должно было нарушить спокойный сон экипажа. Если что-нибудь с ними произойдет — пропал весь смысл похода. Павлыш обесточил корабль и подключил к блоку питания камеры уже порядком севшие аварийные аккумуляторы. Проверил стабильность температуры в ваннах, контрольную аппаратуру. Насколько Павлыш мог судить — камере ничто не угрожало. Даже если Павлыш будет отсутствовать целый месяц. Правда, человеку, идущему в трехчасовую прогулку по берегу моря, ни к чему планировать на месяц вперед, но прогулка предполагалась несколько необычная. Павлыш не без оснований думал, что станет первым человеком, путешествующим ночью по берегу здешнего моря.

Затем следовало позаботиться о собственном снаряжении, запасе воды и пищи, оружия (на корабле удалось разыскать пистолет). Наконец, надо было задраить сломанный люк так, чтобы даже слон (если по ночам здесь бродят слоны) не смог бы его отворить.

Закончив дела, Павлыш выбрался наружу и неожиданно почувствовал почти элегическую грусть. Затянувшиеся сумерки — а им, видно, и конца не будет — окрасили негостеприимный мир во множество разновидностей черного и серого цвета и единственной родной вещью в этом царстве был искалеченный «Компас», печально гудящий под порывами ветра, одинокий и беспомощный.

— Ну-ну, не расстраивайся, — сказал кораблю Павлыш и погладил корпус, изъязвленный аварийной посадкой. — Я скоро вернусь. Дойду по бережку до избушки и обратно.

Огонек горел ровно, ждал. Павлыш в последний раз проверил поступление кислорода — его хватит на шесть часов, в крайнем случае можно дышать и воздухом планеты. Хоть это неприятно и весьма вредно. Павлыш вытащил пистолет, прицелился в камень на берегу и выстрелил. Луч полоснул по камню, распилил его пополам, и половинки засветились багрово и жарко. Пора было идти.

Павлыш разгреб башмаком кучу обгоревших тварей — костер давно уже погас и остыл. Павлыш перепрыгнул через него — не из молодечества: хотел узнать, достаточно ли надежно все приторочено.

Удобнее идти было по самой кромке пляжа. Здесь волны, забежавшие длинными языками на берег, оставляя после себя вялую пену, спрессовали песок, и он стал упругим и твердым. Фонарь был пока не нужен — и так видно все, что нужно видеть: бесконечную полосу песка, темную воду слева, черный кустарник на дюнах справа. И так до бесконечности, до огонька.

Павлыш прошел несколько десятков шагов, остановился, оглянулся на корабль. Тот был велик, непроницаем и страшно одинок. Несколько раз Павлыш оглядывался — корабль все уменьшался, мутнел, сливался с небом, и где-то в конце первого километра пути Павлыш вдруг понял, как сам он мал, беззащитен и чужд морю. И ему стало страшно, и захотелось убежать к кораблю, скрыться в люке. Он вдруг понадеялся, что забыл нечто очень важное для пути, ради чего хочешь — не хочешь, придется возвращаться. Но пока придумывал, обеспокоилось чувство долга, зашевелился стыд, заскребла под ложечкой совесть — возвращаться никак было нельзя, и тогда Павлыш попытался представить себя женой Лота, уверить, что

обернись он — превратится в соляной столб. И к утру его слижут жадные до кристаллической соли обитатели кустов.

Павлыш решил петь. Пел он плохо. И после второго куплета кустарник замолк, затаился, прислушиваясь. Кустарнику пение не нравилось. Песок разматывался под ногами ровной лентой, порой язык доползал до ноги путника, и Павлыш сворачивал чуть выше, обходя пену. Один раз его испугало белое пятно впереди. Пятно было неподвижным и зловещим. Павлыш замедлил шаги, нащупал рукоять пистолета. Пятно росло, и видно было, как нечто черное, многопалое высунулось из него, готовясь схватить пришельца. Но Павлыш все-таки шел, выставив вперед пистолет, и ждал, чтобы пятно решилось на нападение. Павлыш был здесь новичком, а для новичка самое неразумное первым начинать пальбу.

Пятно оказалось большой раковиной, а может, и панцирем какого-то морского жителя. Несколько тварей ползали по нему, вытаскивая тонкими лапками остатки внутренностей. Они и показались Павлышу издали щупальцами пятна.

— Кыш, несчастные! — сказал Павлыш тварям, и те послушно снялись, улетели к кустам, видно, приняв Павлыша за крупного хищника, любителя морской падали. Из-под раковины прыснула

жадная мелочь, зарываясь в песок, удирая к воде. В темноте не разобрать ни форм, ни повадок — некоторые тонули, растворяясь в пене, другие фосфоресцировали и светящимися точками суетились у берега.

Почему-то, после случая с раковиной, Павлыш почувствовал себя уверенней — обитатели моря и кустов были заняты своими делами и на Павлыша нападать не собирались. Павлыш понимал, что уверенность его зиждется на заблуждении; ведь если существуют раковины — есть твари, которые этими раковинами питаются. А если есть твари, то кто-то пожирает их. И еще кто-то пожирает тех, кто питается тварями. И так далее.

Прошел уже час с тех пор, как Павлыш покинул корабль, позади по крайней мере пять километров пути. Единственное, что всерьез беспокоило сейчас Павлыша — то, что огонек не приближался. Так же далек был черный мыс, так же ровна полоса песка. Правда, это не могло продолжаться вечно. Хоть диаметр Форпоста больше земного, но планета все равно круглая, и достаточно отдаленные предметы, хочешь того или нет, скрываются за горизонтом...

И тут Павлыш увидел реку.

Вначале был шум. Он примешивался к

однообразному ритму прибоя и насторожил Павлыша. Вливаясь в море, река разбилась на множество рукавов, мелких и быстрых. Берег здесь, окаймленный речным песком, выдавался в море небольшим полуостровом. Между рукавами и с обеих сторон дельты земля была покрыта темными пятнами лишайника, травой, какие-то растения, схожие с трезубцами, гнездились прямо в воде. Переход вроде бы не представлял трудностей, но когда в нескольких метрах от воды нога Павлыша вдруг провалилась по щиколотку, он понял, что от реки можно ждать каверзы.

Уже следующий шаг дался труднее. Песок стал податливым, вялым, он с хлюпаньем затягивал ногу и с сожалением отпускал ее.

В конце концов, подумал Павлыш, мне ничего не грозит. Я в скафандре и, даже если провалюсь где-нибудь поглубже, не промочу ног.

И не успела эта мысль покинуть голову, как Павлыш потерял опору под ногами и окунулся по пояс. И это было еще не все, попытка двинуться из этой ловушки вперед заставила погрузиться еще на несколько сантиметров. Скафандр был мягким, и жижа, поймавшая в плен Павлыша, давила на грудь, подбираясь к плечам. Павлыш вспомнил, что в подобных случаях охотникам, угодившим в болото, всегда попадается под руку

сук или хотя бы куст. Сука поблизости не было, но куст рос впереди, метрах в трех. Павлыш рассудил, возле куста должно быть тверже, и прыгнул вперед.

Наверно, со стороны прыжок его выглядел странно: существо, ушедшее по грудь в песок, делает судорожное движение, вырывает несколько сантиметров тела из плена, продвигается на полметра вперед и тут же почти полностью пропадает из вида.

Прыжок был ошибкой, объяснимой лишь тем, что Павлышу никогда раньше ни с болотами, ни с зыбучими песками сталкиваться не приходилось. Теперь над поверхностью, чуть колышащейся, вздыбливающейся пузырями, виднелась лишь верхняя половина шлема и кисти рук. Павлыш скосил глаза и увидел, что черная граница песка медленно, но ощутимо поднимается по прозрачному забралу. Павлыш пока не беспокоился — все произошло так быстро и внезапно, что он просто не успел толком обеспокоиться. Стараясь не делать лишних движений, потому что каждое движение лишь погружало его глубже, Павлыш повернул голову к дальнему мысу. Огонек светил. Ждал. Пришлось задрать голову, над песком оставалась лишь верхушка шлема с ненужной антенной, настроенной на корабль, в котором никто не услышит. И еще через несколько секунд огонек